

Т5(2)Я5
С56

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

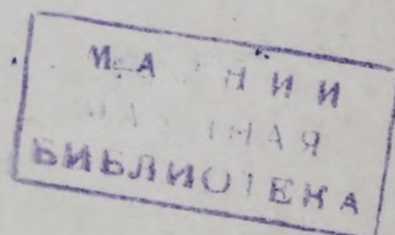
31

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

26161

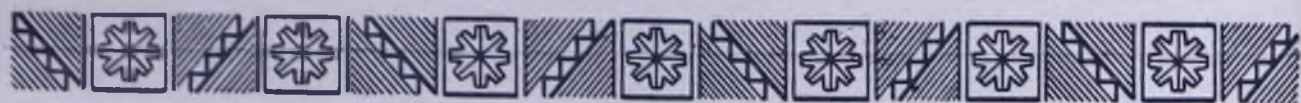
2

15 MAR 1991

1 9 6 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

С. П. ТОЛСТОВ, В. А. ЛИВШИЦ

ДАТИРОВАННЫЕ НАДПИСИ НА ХОРЕЗМИЙСКИХ ОССУАРИЯХ С ГОРОДИЩА ТОК-КАЛА*

I

Одним из наиболее важных достижений археологических экспедиций Археолого-этнографического отдела Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР, работающих в тесном контакте с Хорезмской экспедицией АН СССР¹, является открытие в 1962 году крупных оссуарных могильников на городищах Гяур-кала (Миздахкан)² — начальник отряда В. Н. Ягодин и Ток-кала — начальник отряда А. В. Гудкова³.

Так как предварительная информация об этих памятниках была опубликована в журнале «Советская этнография»⁴, мы не будем останавливаться на их характеристике, которую читатель найдет в указываемых статьях руководителей раскопок. Отметим лишь, что основной оссуарный слой представлен преимущественно алебастровыми оссуариями, характерными для Хорезма VIII в. н. э. (а, возможно, и конца VII — начала IX в.) и хорошо нам известными по ранее исследованным памятникам (оссуарные захоронения в замке № 36 комплекса Беркут-кала⁵ и могильник на возвышенности Кушканатау⁶).

Принципиально новым в этих больших городских кладбищах являются обильные находки, особенно в Ток-кале, расписных алебастровых оссуариев; среди тематики их росписей особое место занимают сце-

* Разделы I и III статьи написаны С. П. Толстовым, раздел II — В. А. Лившицем и С. П. Толстовым.

¹ Археологические и этнографические кадры Каракалпакского филиала АН УзССР выращены Хорезмской экспедицией. Согласно единому плану экспедиции, с 1958 г. археологические отряды Филиала работают под общим руководством С. П. Толстова над исследованием памятников современной дельты Аму-Дарьи.

² Городище было впервые описано А. Ю. Якубовским, см. А. Ю. Якубовский, Городище Миздахкан, «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. V, Л., 1930.

³ О предшествующих работах на Ток-кала см. А. В. Гудкова, В. Н. Ягодин, Археологические исследования в правобережной части Приаральской дельты Аму-Дарьи в 1958—1960 гг., I, «Материалы Хорезмской экспедиции» (под общей редакцией С. П. Толстова), вып. 6, М., 1963, стр. 248 и сл.; А. В. Гудкова, Раскопки городища Ток-кала в 1960—1961 гг., «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1962, № 3, стр. 71 и сл.; № 4, стр. 49 и сл.

⁴ В. Н. Ягодин, Новые материалы по истории религии Хорезма, «Сов. этнография», 1963, № 5; А. В. Гудкова, Некрополь городища Ток-кала, «Сов. этнография», 1963, № 6.

⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 149—150, табл. 87.

⁶ Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт, Куюк-кала в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, М., 1959, стр. 138 и сл.

ны оплакивания умершего, композиционно близкие к знаменитой сцене оплакивания на фреске из Пянджикента⁷. Несмотря на отличия в технике и стиле росписей, сюжетное содержание их весьма близко; это не оставляет сомнения в том, что — безотносительно, представлено ли на пянджикентской фреске погребение реального или мифологического персонажа — сама сцена изображает реальный обряд, бытовавший на верхнем Зеравшане и в северном Хорезме в VIII в. (ибо такова дата и описываемых оссуариев, и пянджикентской фрески). Не можем попутно не остановиться на истолковании сюжета пянджикентской композиции, данным первым исследователем фрески М. М. Дьяконовым как «сцены оплакивания Сиявуша»⁸. Одному из авторов настоящей статьи (С. П. Толстову) пришлось возражать М. М. Дьяконову на сессии Отделения исторических наук АН СССР в Москве в 1951 г., что эта трактовка не может быть принята, во-первых, потому, что конь, изображенный на фреске, не черный (традиционный цвет коня Сиявуша, согласно эпосу и этимологии самого имени, восходящего к авестийскому Сияваршан, — «Черный конь»), а, во-вторых, — и это главное, — в сцене изображено погребение женщины. Ряд сцен погребения женщин в росписях токкалинских оссуариев не оставляет в этом никакого сомнения.

Однако, пожалуй, еще больший интерес представляет обнаружение в оссуарном могильнике Ток-кала большого числа оссуариев с надписями, нанесенными на их стенках черной краской. Найдено несколько целых и около 40 фрагментов оссуариев с надписями. Работа над этими памятниками поздней домусульманской эпиграфики Хорезма только начата; для окончательного их прочтения потребуется много времени. Однако некоторые проблемы уже сейчас могут быть поставлены на обсуждение специалистов, это: основные закономерности развития хорезмийского письма в период III—VIII вв. н. э. (архив из Топрак-калы, надписи Ток-калы, Якке-Парсана и надписи на торевтике); взаимоотношения хорезмийского языка, засвидетельствованного в памятниках арабско-персидского письма (прежде всего, в хорезмийской версии словаря Замахшари и в сочинении ал-Газмини), и языка памятников хорезмийской письменности арамейского происхождения; проблема хорезмийского календаря (надписи из Ток-калы содержат названия ряда месяцев и дней); наконец, вопрос о применявшемся в Хорезме в исследуемое время летоисчислении — почти два десятка надписей на токкалинских оссуариях датированы годами неизвестной эры.

II

Алфавит надписей на токкалинских оссуариях, представляющих дальнейшее развитие древнехорезмийского алфавита документов III—IV вв. н. э. из Топрак-калы и эпиграфических памятников более раннего времени (по-видимому, вплоть до III—II вв. до н. э.), нам уже известен по раннесредневековым домусульманским хорезмийским монетам и по документам (на коже и дереве) из замка Якке-Парсан, датированным также VIII в. н. э.⁹. Близок к описываемому и алфавит

⁷ М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 111 и сл., табл. XX—XXIII.

⁸ М. М. Дьяконов, Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии, «Кр. сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР» (далее КСИИМК), XL, 1951, стр. 34.

⁹ С. П. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, «Вестник древней истории», 1938, № 4(5), стр. 120—145; его же, Древний Хорезм, стр. 187—192, табл. 84, 85; его же, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 257—258, рис. 165.

надписей ряда серебряных чаш, найденных в Приуралье и опубликованных в атласе Я. И. Смирнова¹⁰, хорезмийское происхождение которых один из авторов настоящей статьи доказал в свое время, опираясь как на тематику изображений, так и на сходство алфавитов¹¹; в последние годы в Приуралье было найдено еще несколько серебряных сосудов, в том числе и с надписями хорезмийским письмом¹².

В отношении якке-парсанских документов один из авторов недавно писал: «Чтение этих текстов — дело будущего»¹³. Казалось, что два фрагмента, найденные в замке Якке-Парсан, весьма краткие и отрывочные (начальная часть семи строк в документе на коже, неполные три строки в тексте на дереве), не представят возможности восстановить картину хорезмийского письма VIII в. С трудом удавалось определить варианты ряда знаков и в надписях на серебряных чашах¹⁴.

Открытие токкалинских надписей существенно меняет положение. Их многочисленность, однотипность и значительные размеры позволяют ускорить прочтение этой позднейшей группы древнехорезмийских документов, которые можно, в соответствии с установившейся терминологией, назвать афригидскими.

Алфавит этих документов представляет большой интерес для истории письменностей арамейского происхождения, бытовавших в Средней Азии в домусульманское время. Прежде всего, он выделяется из этих алфавитов сохранением на протяжении всей истории своего существования весьма архаических начертаний. Степень курсивности письма в памятниках Ток-калы довольно значительно, на первый взгляд, колеблется в зависимости от индивидуальных особенностей разных почерков, представленных в надписях на оссуариях (все эти надписи, как можно предполагать, выполнены писцами-профессионалами), — ср., например, написание *tnbryk* «оссуарий», букв. «вместилище тела», в надписях, публикуемых в данной статье. Более курсивными, по сравнению с письмом Ток-калы и Якке-Парсана, представляются надписи на серебряных чашах, хотя и в последних можно заметить известные отличия в формах начертаний отдельных знаков и лигатур, связанные не только с особенностями почерков у разных резчиков, но и с глубиной врезки и тщательностью исполнения надписей на торовитке (ср., например, надписи на чашах 42 и 43 в атласе Смирнова).

Однако в общем хорезмийское письмо VIII в. в сравнении с памятниками Топрак-калы выглядит гораздо менее курсивным, чем памятники среднеперсидского или согдийского письма соответствующих периодов: сопоставление лапидарного среднеперсидского письма (парсик) наскальных сасанидских надписей, ранних сасанидских монет и гемм III—IV вв и согдийского алфавита «старых писем» (первая четверть IV в.) соответственно с книжно-пехлевийской письменностью (и близким к ней письмом папирусов) и согдийским курсивом документов с горы Муг, показывает, что в течение четырех столетий хорезмийская

¹⁰ Я. И. Смирнов, Восточное серебро, «Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи», СПб., 1909, табл. XVIII—XX и CXIV (№ 42, 43, 45, 46, 47 и 286).

¹¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 192—194, табл. 87.

¹² О. Н. Бадер, А. П. Смирнов, «Серебро закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение, М., 1954, рис. 9—10; О. Н. Бадер, Камская археологическая экспедиция, КСИИМК, LV, стр. 127, рис. 50.

¹³ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 257.

¹⁴ Совершенно фантастичны попытки чтения этих надписей, предложенные Ф. Альтхаймом и Р. Штиль (Fr. Altheim, R. Stiehl, *Porphyrios und Empedokles*, Tübingen, 1954, стр. 52—57), — кроме идеограммы MN, в этих чтениях нет ни одного правильного определения хорезмийских букв и их сочетаний.

письменность претерпела гораздо меньше изменений, чем другие известные письменности арамейского происхождения, бытовавшие на территории Ирана и Средней Азии¹⁵.

Хорезмийский алфавит документов из Топрак-калы насчитывает, по-видимому, 19 знаков: ', *b*, *g*, *d*, *h*, *ω*, *z*, *h*, *y*, *k*, *l*, *m*, *n*, *s*, ', *p*, *r*, *š*, *t*. Мы не смогли пока обнаружить идеограмм, где употреблялись бы буквы *t* (*tēth*), *s* (*šādē*) и *q* (*qāf*), т. е. три знака, недостающие для полного комплекта собственно арамейского письма. В хорезмийских словах знак *š* выступает, как и в парфянском, для обозначения не только фонемы *š*, но и *č* (и *c*?). Примечательно наличие знака *h* (*hē*) не только в идеограммах и в конечной позиции, но и в середине и в начале слова, причем не только в идеограммах, но и в хорезмийских словах, например, имя собственное *Whwmnp'r't* (док. № 9, стк. x+1), древнеир. *Wahumanah-pāta-*, букв. «охраняемый лучшей мыслью». В этом отношении хорезмийское письмо Топрак-калы сближается с парфянским Нисы (I в. до н. э.), где знак *h* употреблялся во всех позициях¹⁶. С точки зрения очертаний большинства знаков, хорезмийское письмо также обнаруживает наибольшее сходство с парфянским, особенно с той его разновидностью, которая представлена в документах на острака и пергаменте из Дура-Европос¹⁷. Как уже было отмечено, курсивность письма незначительна во всех почерках текстов архива Топрак-калы. Соединяются налево, с последующей буквой, как правило, только знаки ', *b*, *g*, *z* (верхней частью), *k*, *l*, *n*, *p*, *t*. Буквы *r*, *d*, ', как и в некоторых разновидностях парфянского письма, могут совпадать по начертаниям.

С точки зрения принципов обозначения гласных в документах из Топрак-калы можно заметить сходство не только с парфянским (*ω*, *y* для передачи долгих и кратких *u*, *i*, *e* в середине и в конце слова; алеф для обозначения долгого *ā* в середине слова), но и с согдийским: написание *ā* через " (имя собств. *br''hws* = *Frāxwaš*?, док. № 8, I, 4), *i* через 'у (*pt'uwgk*, имя собств., док. № 8, I, 7)¹⁸.

В письме надписей Ток-калы можно отметить те же основные тенденции начертания букв. Соединяются налево со следующим знаком только ', *b*, *g* (верхней частью), *k*, *n*, *p*, *t*, редко *r*, *d* (почти не отличающиеся, как и в текстах из Топрак-калы и в парфянском письме, по начертаниям), только в единичных случаях *ω*, *y*. Начертание *z* колеблется весьма значительно — в идеограмме ZNH знак *z* соединяется с *-n*- нижней своей частью, практически совпадая по начертаниям с *n* и *b* (эти знаки в надписях Ток-калы могут писаться одинаково); в хорезмийских словах *z* обычно или вовсе не соединяется налево, или, как и в текстах Топрак-калы, соединяется со следующим знаком только верхней частью.

Подробный палеографический анализ письма документов Топрак-калы, надписей из Ток-калы, письма монет и надписей на тореvтике

¹⁵ Для парфянского письма значительные изменения в направлении к курсиву могут быть отмечены уже при сравнении текстов из Нисы (I в. до н. э.) и выполненных в той же технике надписей на черепках из Дура-Европос (III в. н. э.).

¹⁶ Позднее в парфянском письме этот знак стал употребляться лишь в идеограммах (только в конечной позиции) и при женских именах собственных. См. W. B. Henning, *Mitteliranisch*, «Handbuch der Orientalistik», ч. 1, т. 4, «Iranistik», разд. 1 «Linguistik», Leiden — Köln, 1958, стр. 58—60.

¹⁷ См. J. Harmatta, *Die parthischen Ostraka aus Dura-Europos*, «Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae», т. VI, fasc. 1—2 (1958), стр. 87—175. W. B. Henning, *Iranian Documents* (в кн.: «The Excavations at Dura-Europos», Final Report, V, ч. 1, The Parchments and Papyri, New Haven, 1959), стр. 414—417.

¹⁸ Примечательно имя собств. *mtry'byrtk* (док. № 8, II, 5), букв. «обретенный с (помощью) Митры» или «рожденный («обретенный») в (день) Митры», где в первой части написание *mtry* с-у сходно с парфянским (ср. имя собств. *Mtrylws*), а сам тип композита напоминает согд. *βyuyurt* (согд. *βyг-*, хорезм. *'byг-* из древнеир. *abi-ar-*).

будет дан в подготавливаемом нами полном издании хорезмийских текстов. Пока отметим, что основные особенности, характеризующие это письмо и отличающие его от других иранских и среднеазиатских письменностей арамейского происхождения, довольно четко прослеживаются во всех известных ныне памятниках домусульманского Хорезма¹⁹. Это, прежде всего, начертания знаков ' (близкий вариант алефа на среднеазиатской почве отмечается только на некоторых сериях бухарских согдийских монет), *p*, *t*, *z*, *h*. Для надписей Ток-калы можно отметить, сравнительно с письмом топраккалинского архива, изменения в очертаниях знаков *h* и *k*, могущих в некоторых почерках почти совпадать (особенно ясно это заметно в конечной позиции — ср., например, написание *-h* в ZNH и *-k* в tnbryk в публикуемых надписях № 52, 25 и др.). Алеф в надписях на оссуариях обнаруживает определенные различия в начертаниях не только в зависимости от индивидуальных особенностей писцов, но и по положению в слове — ср., например, начальный ' в названии месяца и дня 'hwgum (надпись № 52, стк. 2; 58, стк. 1) и конечный ' в YRH' «месяц» во многих токкалинских надписях. Из других графических особенностей надписей на оссуариях следует отметить также варианты начертания знака *-n-* в середине слова, иногда выступающего в этой позиции в отдельном написании (наиболее часто, по-видимому, перед морфемой *-y=e?*); большая близость написаний *h* и *s*; лигатуры, образуемые сочетанием *t* с последующим знаком (*n*, ' и некоторыми другими), где конечный изгиб знака *t* сливается со второй частью лигатуры.

Надписи из Ток-калы отделены от первых достоверных транскрипций хорезмийских слов арабским письмом периодом не более чем в три столетия: передача хорезмийской лексики в трудах ал-Бируни показывает, что великий среднеазиатский ученый-энциклопедист достаточно хорошо знал основные принципы мусульманской хорезмийской орфографии²⁰. Детальное сравнение языка надписей из Ток-калы с хорезмийским языком XI—XIV вв., известным в настоящее время уже достаточно хорошо прежде всего благодаря публикациям хорезмийских глосс в юридических сочинениях, а также хорезмийской версии словаря Замахшари²¹,

¹⁹ Вряд ли можно согласиться с В. Б. Хеннингом, считающим, что в надписях на некоторых хорезмийских монетах начертание целого ряда знаков обнаруживает почти полное сходство с согдийским курсивным письмом (см. W. B. Henning, Additional notes on the early coinage of Transoxiana, II, «The American Numismatic Society, Museum Notes», VII (1957), стр. 231—232; его же, Mitteliranisch, стр. 57—58). Подробный разбор этих надписей будет дан в другом месте, здесь же заметим, что надпись на аверсе одной из серий хорезмийских монет, прочитанная Хеннингом как zk'čw'r или 'rk'čw'r (имя царя), является по письму не хорезмийской, а согдийской — на реверсе этих же монет сохраняются легенды, начертанные хорезмийским письмом!

²⁰ См. W. B. Henning, Mitteliranisch, стр. 83—84; В. А. Лившиц, Языки иранских народов Средней Азии, «Народы Средней Азии и Казахстана» (серия «Народы мира», под общ. ред. С. П. Толстова), I, М., 1962, стр. 139.

²¹ См. С. Л. Волин, Новый источник для изучения хорезмийского языка, «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», VII (1939), стр. 79—91; А. А. Фрейман, Хорезмийский язык. Материалы и исследования, I, М.—Л., 1951; М. Н. Боголюбов, Некоторые особенностях арабо-хорезмийской письменности, «Народы Азии и Африки», 1961, № 4, стр. 182—187; его же, Личные местоимения в хорезмийском языке, «Ученые записки ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып. 16, Л., 1962, стр. 6—15; его же, Частицы в хорезмийском языке, «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческих наук, вып. 12, Л., 1961, стр. 81—84; Z. V. Togan, Chwarezmische Sätze in einem arabischen Fiqhwerke, «Islamica», т. III, fasc. 2 (1927), стр. 190—213; его же, Über die Sprache und Kultur der alten Chwarezmier, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft» (далее ZDMG), т. 90, вып. 3/4 (1936), стр. *27*—*30*.; W. B. Henning, Über die Sprache der Chwarezmier, там же, стр. *30*—*34*.; его же, The Khwarezmian Language, «Z. V. Togan'a Armağan», Istanbul, 1955, стр. 421—436; его же, The structure of the Khwarezmian verb, «Asia Major», нов. серия, т. V, ч. I (1955), стр. 43—49; его же, Mitteliranisch, стр. 81—84, 109—120; «Khwarezmian Glossary of the Muqaddimat al-adab»,

позволит, несомненно, исследовать многие проблемы исторического развития хорезмийского языка. Такое сравнение не может быть проведено в данной статье, однако некоторые особенности надписей из Ток-калы, важные для сопоставления этих памятников с арабо-хорезмийскими текстами, могут быть отмечены уже сейчас.

В орфографии токкалинских надписей господствует исторический принцип, что достаточно отчетливо проявляется прежде всего при анализе календарных терминов, представленных в большом количестве в этих надписях и хорошо известных по другим памятникам иранских языков (этимологизация хорезмийских имен собственных в надписях Ток-калы, как и в документах топраккалинского архива, сопряжена со значительными трудностями — теофорные имена в этих памятниках встречаются довольно редко). Так, например, название 1-го месяца и 19-го дня хорезмийского календаря, зороастрийский характер которого был известен уже по сочинениям Бируни²², выступает в надписях на оссуариях в форме *brwrtn* (№ 25, стк. 2; № 38, стк. 2; № 58, стк. 1; ср. также имя собств. *brwrtyk*, № 39, стк. 4), графически почти точно отражающей древнеир. *frawartīn(ām)*, авест. *frawašīnaṃ* (перс. *fargardīn*), — сокращение *-i-* могло иметь место в хорезмийском уже в древности. Сопоставление этой формы с *gwsp*, *gwsp'* в «Хронологии» Бируни (в рукописях и в издании Захау — *gwjñ*, название 19-го дня, *gwšp'* — 1-й месяц)²³, отражающих, по-видимому, звучание *gawasīna*²⁴, должно указывать на то, что к VIII в. уже выявились по крайней мере некоторые из историко-фонетических признаков, характеризующих хорезмийский язык средневековых памятников сравнительно с древнеиранским состоянием.

Исторический принцип обнаруживается и в некоторых других токкалинских написаниях календарных терминов. Название 2-го дня — *whwmñ* (№ 31, стк. 2; 39, стк. 2; 14, стк. 3; 23, стк. 3; *whwmñ'* в надписи № 21, стк. 3; ср. имя собств. *whwmñp'r't* в документах из Топрак-калы), авест. *vohumanañ-*, ср. *'zmyn* вместо **'hmyñ* или **'hwmyn* в «Хронологии» Бируни, согд. *'ywmñ(')*, *xwmñ'*. Название 9-го месяца — *'trw* (57, стк. 1), в той же форме представленное и в надписи на хорезмийской серебряной чаше, Смирнов, 42: *BSNT III II C XX XX XX X YRH'* *'trw BYWM bgy...* «год 570, месяц *āgo*, день *viye...*»²⁵. Написание *'trw* точно соответствует парфянскому *'trw* (название 9-го дня в одном из еще не опубликованных документов из Нисы) и отражает авест. *āθrō* — знак *t* в хорезмийском письме, как и в парфянском и среднеперсидском, передавал не только *t* (и *-t-*, перешедшее уже в *-d-*), но и *θ*. В «Хронологии»

ed. by Z. V. Togan, Istanbul, 1951; E. Yaršater, *Čand nuqte dar bāre-yi zabān-i xwārizmī*, «*Majalle-yi Dāniškade-yi Adabiyyāt*», Teheran, I, № 2, стр. 41—49; N. Rast, *Zabān-i xwārizmī*, «*Majalle-yi Dāniškade-yi Adabiyyāt-i Širāz*», I, № 4, стр. 11—38.

²² В отличие от согдийского календаря, в хорезмийском не только названия дней, но и наименования месяцев отражают (как в парфянском и персидском) зороастрийский календарь, известный по «младоавестийским» текстам.

²³ «*Chronologie orientalischer Völker von al-Bērūnī*», herausg. von E. Sachau, Leipzig, 1878, стр. 47—48; ср. также «Абурейхан Бируни, Памятники минувших поколений», пер. М. А. Салье (Бируни, Избранные произведения, т. I), Ташкент, 1957, стр. 62.

²⁴ W. B. Henning, *The Khwarezmian Language*, стр. 434; его же, *Mitteliranisch*, стр. 84; ср. J. Marquart, *Untersuchungen zur Geschichte von Eran*, II, Leipzig, 1905, стр. 198, примеч. 2. Ср. также согд. *βrw'rt*, *prwrt'* в документах с горы Муг, ман. *frwrt*, у Бируни согдийская форма *frwδ* (вм. **frwrd*).

²⁵ Дата изготовления или, более вероятно, контрольного взвешивания сосуда. Название 16-го дня в надписи — *bgy* соответствует *fyū* в «Хронологии» Бируни (изд. Захау, стр. 48; в ленинградской рукописи «Хронологии», отраженной в переводе М. А. Салье, стр. 62, представлен вариант *myū* — списка переписчика; о формах *fyū*, *fyū* у Бируни см. W. B. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 83), согдийское название этого дня — *βyū* засвидетельствовано в мугском документе А-12. Как и в хорезмийском, *βyū* здесь = Митра.

Бируни соответствующее название выступает в написании 'gw, отражающем обычное для хорезмийского развитие древнеир. -θr > r.²⁶ Аналогично отношение mtr (или mtry, № 39, стк. 2; 67, стк. 2 — в обоих случаях чтение конца слова не вполне ясно), название 7-го месяца, к *mry или *mry у Бируни, в рукописях «Хронологии» — 'wmry, древнеир. mīθra-, ср. парф. mtry.

Далеко не всегда, однако, написания календарных терминов, представленные в надписях Ток-калы, столь близки к древнеиранским прототипам. Если для gwšt, № 52, стк. 2; 22, стк. 2, — название 14-го дня, авест. gāuš tašan- «(день) творца быка»²⁷, ywšt у Бируни, — можно предполагать очень раннее сокращение во второй части композита, то написания некоторых других терминов в надписях Ток-калы следует объяснять как приближающиеся к реальному их звучанию в хорезмийском языке VIII в. Так, название 2-го месяца засвидетельствовано в наших памятниках как 'rtwyš (№ 12, стк. 2), древнеир. artawahišta-. В «Хронологии» Бируни представлена форма 'rdwšt. Токкалинское написание -rt- для -rd- — уступка историческому принципу, но с точки зрения передачи конца слова написание Бируни следует, видимо, рассматривать как архаизованное. Не исключено, однако, что расхождения такого рода объясняются диалектными различиями надписей Ток-калы (и, шире, письменного языка домусульманского и раннемусульманского Хорезма²⁸) и языка арабо-хорезмийской письменности²⁹. Материала для решения этой проблемы пока недостаточно, однако по крайней мере в одном случае диалектные различия проявляются достаточно ясно: название 10-го месяца и 1-го дня в токкалинских надписях № 52, стк. 2 и № 58, стк. 1, выступает в форме 'hwgum (менее вероятны чтения 'hwrgm, 'hwrgm, 'hugum и т. д.), у Бируни — gumžd, древнеир. ahura-mazdah- (ср. имя собств. gum'ztk в документе № 10 из Топрак-калы, recto, стк. 8?). Надписи Ток-калы, впервые фиксирующие календарные наименования средствами собственно хорезмийской письменности, могут явиться, несомненно, важнейшим источником для уточнения во многом деформированных переписчиками списков хорезмийских названий дней и месяцев в «Хронологии» Бируни.

Исторические написания в памятниках Ток-калы не ограничиваются только календарными терминами — см., например, для имен 'rt'w, с -rt- для -rd-, № 19, стк. 2 (ср. парф.-ман. 'rd'w); глагольную форму pr'ny'ty, № 25, стк. 5 — «пусть будет введен» (pr'- из древнеир. para+a- или из para-), показывающую не только сохранение в написании -t- для -c-, но и весьма архаичный тип флексии 3 л. ед. ч. конъюнктива — -'ty, древнеир. -ati, ср. в согдийском β'ty «пусть он станет», ягнобское vōti, но в текстах арабо-хорезмийской письменности β'c=avās.

²⁶ W. B. Henning, *The Khwarezmian Language*, стр. 433; его же, *Mitteliranisch*, стр. 109.

²⁷ Или, по толкованию С. Н. Соколова, «(день) плоти быка», ср. авест. gāuš-ugvaп- «душа быка». Ср. также среднеперс. gws, парф. gwyrh (в неопубликованном документе из Нисы), согд. ywš.

²⁸ О том, что в Хорезме письменность арамейского происхождения (и, следовательно, традиционная форма письменного языка) была в употреблении вплоть до начала XI в., можно судить по данным Бируни, приведенным в «Тāрих-и Байхакӣ», см. «Тāрих-и Байхакӣ», изд. Са'їда Наф'їсї, Тегеран, 1954, стр. 817; Бейхакї, История Мас'худа, пер. А. К. Арендса, Ташкент, 1962, стр. 591. Ср. W. B. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 58; В. А. Лившиц, Языки иранских народов Средней Азии, стр. 138.

²⁹ Следует учесть, что в письменном хорезмийском языке XI—XIV вв. прослеживаются явления, которые можно объяснить смешением ряда говоров, как это имело место, например, в новоперсидском койнэ (так называемый фарси или фāрс-йи дар). На такое смешение указывает, в частности, различное отражение в хорезмийской средневековой лексике одних и тех же древнеиранских согласных или групп согласных. Так, например, древнеир. -s- отразилось в хорезмийском не только как -s-, но и как -f-, -x-, -h-, -y-; древнеир. θr- соответствует hr- и š-.

Графические приемы обозначения гласных в надписях из Ток-калы в основном те же, что и в документах топраккалинского архива. Долгое $\bar{a}$, как правило, передается одним знаком ' : 'gw'n — «душа» (№ 25, стк. 3—4; авест. *ugvan-* выступает с $\bar{a}$ - во всех среднеиранских языках, ср. согд., парф.-ман. *gw'n*); *tnb'r* — «тело» (№ 52, стк. 3; 39 стк. 3 и др.), древнеир. *tanu-pāra*, согд. *tnp'r*, согд.-ман. *tmb'r*, парф.-ман. *tnb'r*, ср. *tnbryk* «оссуарий» в токкалинских надписях = *tanbarik*; *grdm'n* «рай» (№ 25, стк. 4), арабо-хорезм. *γrōm'n*³⁰; 'rt'w «праведный» (№ 19, стк. 2); 'trw — название месяца. Весьма немного данных, которые позволили бы говорить о совершившемся уже к VIII в. переходе древнеир. $\bar{a}$ - в $\bar{i}$ -, засвидетельствованном для хорезмийского по крайней мере в XI в. (Бируни). Единственными исключениями являются: 1) название 10-го месяца и 1-го дня 'hwgum, однако реальный фонетический облик этого слова не вполне ясен (-ум- для передачи -em-, возникшего из -am-, ср. 'hrmum в среднеперсидских и парфянских манихейских текстах?); 2) 'ztyk в надписи № 52, стк. 4, = *āzadik* (см. ниже, стр. 76). Надежных примеров для характеристики передачи $\bar{i}$ -, $\bar{u}$ - (а также $\bar{e}$, $\bar{o}$) очень немного: *nwš* — «хороший», «прекрасный», «счастливый» (№ 25, стк. 4); предлог *kw* — «к», «в» (№ 69, стк. 3); *gwšt*, *whwmn* — названия 14-го и 2-го дней; 'y — артикль (*passim*), *brwrtn* — название дня и месяца, *tnbryk* — «оссуарий».

Хорезмийская письменность отличается от других письменностей арамейского происхождения не только по начертаниям ряда знаков, но и по системе идеограмм. Особенности этой системы, сравнительно со среднеперсидской, парфянской и согдийской, можно было уже отметить по документам из Топрак-калы, где наряду с известными по другим иранским письменностям идеограммами (*BYT'* — «дом», 'MY(H) — «мать», *ZK* — указательное местоимение, *MN*, 'L — предлоги) представлены и такие, которые составляют специфику хорезмийской гетерографии, например, 'NTTY(H) || 'NTT(H) — «жена», *BšNT* — «год». Надписи Ток-калы существенно пополняют наши представления и в этой области, дают важный материал для суждения о конкретных путях формирования идеограмм в период создания местных письменностей на арамейской основе — одном из наиболее ярких фактов, характеризующих самостоятельность культурного развития в отдельных областях Ирана и Средней Азии. Обращают на себя внимание, прежде всего, идеограммы, применяемые в формулах датировки:

	хорезм.	парф.	согд.	среднеперс.
год	BšNT ³¹	šNT	šNT	šNT
месяц	YRH'	YRH'	YRH'	BYRH
день	BYWM	YWM	YWM	YWM

Большинство других идеограмм, засвидетельствованных в разобранных к настоящему времени надписях Ток-калы, известно и по другим письменностям: местоимение-артикль *ZNH*, предлоги *MN*, 'L, союз 'YK. Примечательно применение раскрытых написаний в тех же позициях, что и идеограмм, для самых употребительных слов — явление, неизвестное, или, во всяком случае, очень редкое в документах из Топрак-калы ('zt, по-видимому, «дитя, ребенок» в текстах на дереве) и выступающее в надписях Ток-калы как признак, характеризующий позд-

³⁰ «Muqaddimat al-adab», II, 1: *γrōm'*-араб. *jannatun*, перс. *bihišt*.

³¹ BšNT в хорезмийской письменности — «год», а не «в год», как следовало бы по структуре идеограммы, ср. хорезм. *BYWM*, среднеперс. *BYRH*.

ний этап развития хорезмийской письменности³². Так, наряду с ZNH tnbryk — «этот оссуарий» в большинстве токкалинских надписей, отмечено и tnbryk y', где y' — местоимение-артиклъ, известный по текстам XI—XIV вв. и раскрывающий не только значение ZNH в хорезмийском письме, но и синтаксическую структуру сочетания (порядок компонентов). Показателен в этом отношении вариант с идеограммой в надписи № 57, стк. 2 — tnbryk ZNH (при обычном ZNH tnbryk), где постпозиция ZNH вряд ли может объясняться иначе, чем калькированием модели с раскрытым написанием: tnbryk y' — tnbryk ZNH. В том же ряду, что и ZNH — y', стоит и применение раскрытого написания для предлога 'L в сходной синтаксической позиции — ср. 'L в надписи № 25, стк. 4 и kw в № 69, стк. 3.

Надписи из Ток-калы довольно просты по структуре, однако число вариантов основного формуляра весьма значительно. Наиболее распространенным типом оссуарных надписей в Хорезме VIII в., как можно судить по токкалинским находкам, был формуляр, включающий дату (обычно — год, месяц и день, реже только год), обозначение самого костехранилища (tnbryk), имена покойного и его отца. Остальные элементы схемы этого типа, в том числе и формулы благопожеланий, встречающиеся в ряде надписей Ток-калы, не обязательны; показательно, что эти формулы далеки от единообразия. На данном этапе изучения трудно судить о том, встречаются ли в надписях титулы (или иные обозначения общественного положения) упомянутых лиц, или же мы имеем дело со сложными именами собственными, состоящими из нескольких частей.

Анализ формуляра облегчается во многих случаях тем, что отдельные части надписи отграничиваются одна от другой грамматически — артиклъ 'y обозначает одновременно и начало синтагмы. Глагольных форм в основной схеме надписей нет; они встречаются только в благопожелательных формулах и среди найденных надписей сохранились лишь в док. № 25 (стк. 5); судя по контексту, глагол должен был, видимо, присутствовать и в надписи № 8, после оборота MN.....'L, но часть последней строки (строк?) этой надписи не сохранилась. Вторая разновидность схемы надписи отличается от первой отсутствием формулы датировки и сводится, таким образом, к обозначению оссуария (ZNH tnbryk или tnbryk y') и имен покойного и его отца. Образцы надписей этих двух типов даются ниже. Найдены также надписи наиболее краткого типа, содержащие, видимо, только имена собственные покойных.

Насколько нам известно, публикаций иранских по языку оссуарных надписей до сих пор не было. Парфянских и согдийских памятников такого рода, по-видимому, пока не обнаружено. Находки среднеперсидских надписей сходного типа известны — это надписи VII в. на скальных нишах, служивших костехранилищами, среднеперс. dāxtak. Эти надписи, выполненные курсивным письмом и идущие по вертикали, найдены в разных районах Фарса; публикация их еще не осуществлена, единственный образец начала этих надписей (по-видимому, довольно однородных по структуре) приведен В. Б. Хеннингом: BYRH ḥwrdt-Y ŠNT XX X III Y yzdkrt YWM-Y wḥl'l'n ZNH dḥmk-Y... «Месяц хурдад 33-го года [эры] Йездигерда, день бахрам (=26 августа 664 г. н. э.). Это костехранилище...»³³.

Сходство со структурой токкалинских надписей можно обнаружить

³² Ср. соотношение идеограмм и раскрытых написаний местоимений-артиклей и служебных слов в памятниках согдийской письменности.

³³ W. B. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 43.

в целом ряде эпитафий на семитских языках, в частности, на еврейском. Последние, насколько нам известно, характеризуются единообразием традиционной схемы (варианты наблюдаются лишь в типах датировки и пожелательных формулах), прослеживаемой в памятниках, разбросанных на огромной территории (от областей по Рейну до северного Афганистана)³⁴.

Ниже даются образцы надписей из Ток-калы; чтение и перевод их во многих случаях могут рассматриваться лишь как предварительные. В транслитерациях мы не отмечаем особо слитных и отдельных написаний знаков (например, BŠ-NT) — публикуемые фотографии дают достаточно полное представление о палеографических особенностях надписей и позволяют проверить правильность наблюдений, изложенных выше. ( ) указывает на частичное восстановление знака, [ ] — полное восстановление.

№ 52 (см. рис. 1).

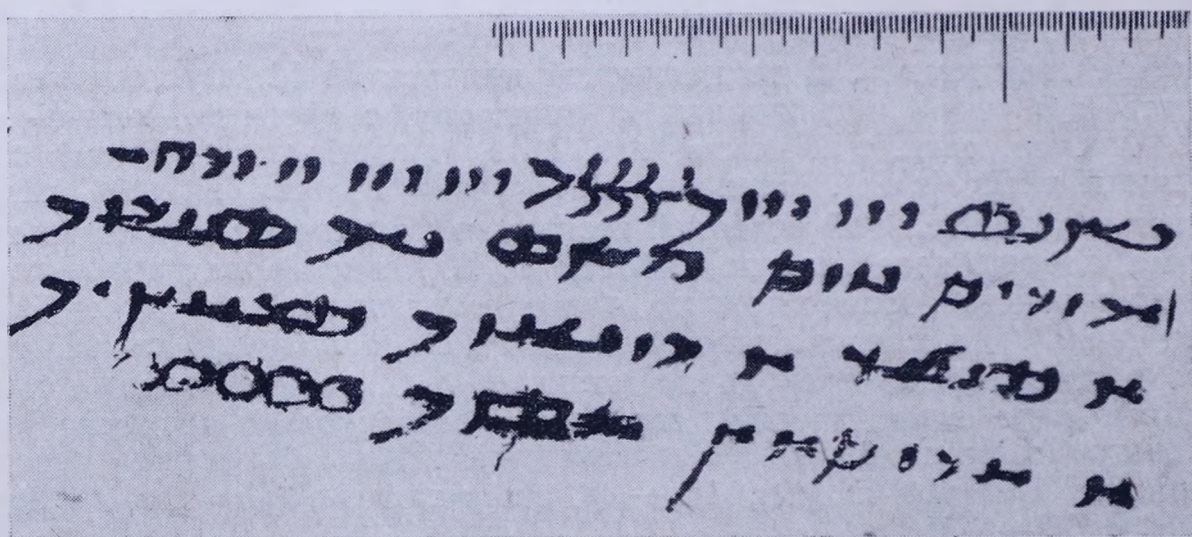

Рис. 1. Надпись № 52

Четыре строки. Текст сохранился полностью. Надпись выполнена очень четко и тщательно. В конце последней строки — смытое слово, поверх которого нанесены четыре кружка. В слове tnb'r, стк. 3, знак -b- переправлен из другого знака (или случайный штрих?).

(1) BŠNT III III C XX XX XX X III III II YRH'

(2) 'hwrym BYWM gwšt ZNH tnbryk

(3) 'y tnb'r 'y hwnšk (?) tb'n'nyk (??)

(4) 'y 'yrw/zm'w'n 'ztyk

«₁Год 678. Месяц₂ ahurem, день yōšt. Этот оссуарий. [содержит] тело hwnšk tb'n'пук -a, ₄сына 'yrw/zm'w-a.»

Комментарий: О названии 10-го месяца 'hwrym ('hwrzm?) см. выше, стр. 72.— tnbryk — имя жен. рода, букв. «вместилище тела», древнеир. tanu-bara-+суффикс -īk из -iyaka-. — ZNH — идеограмма для артикля жен. рода (и мн. ч.) y'=yā. По-видимому, в хорезмийской письменности артикль муж. рода 'y обозначался идеограммой ZK, известной по документам топраккалинского архива,— ср. ZK и ZNH в согдийском. В обнаруженных до сих пор надписях Ток-калы ZK не засвидетельствовано, артикль муж. рода всегда выступает в раскрытом на-

³⁴ См., например, G. Gnoli, Jewish inscriptions in Afghanistan, «East and West», нов. серия, т. 13, № 4 (1962), стр. 311—312; R. Böhm, Zu den ältesten hebraischen Grabinschriften des Rheingebiets, ZDMG, Bd. 112 (1962), Ht. 2, стр. 275—290.

писании — 'у. Правила употребления артикля, как можно судить по прочитанным надписям, сходны с отмеченными для памятников XI—XIV вв.³⁵; примечательна, однако, постпозиция артикля жен. рода у', засвидетельствованного в некоторых надписях в сочетании *tnbryk u'*. Вряд ли следует сравнивать у' в таких сочетаниях с так называемым «постпозитивным» артиклем в арабо-хорезмийских текстах³⁶. — *hwnšk* — часть имени собств. или титул? Возможно также чтение *hwbšk*, менее вероятно рассматривать четвертый знак как лигатуру; *hwnšk* вряд ли связано с хорезм. *hwn* «раб», известным по мусульманским текстам. — *tb'n'nyk* — имя собств., чтение очень сомнительно, возможны варианты *tbnš'k* (-yk?), *tb'š'k* и т. д. — *'yrg/zm'w* — имя отца покойного, конечное -'п, в других надписях также -'пу, — флексия родительного («поссесивного») падежа ед. ч. муж. рода, -āp в арабо-хорезмийских текстах, — *'ztyk*, менее вероятно *"ztyk* — «сын», ср. *zyt* в надписи № 39, стк. 3. Для *'zt* в документах на дереве из Топрак-калы кажется возможной связь с согд. *"zyt*, *"z'yt* «рожденный», «дитя», «потомок» от *"z'y-* «рождать», тогда *'zt* = *āzit* (или *āžit*) и обозначает не «сын», а «дети» (вообще), «потомки». В токкалинской надписи № 52 *'ztyk* следует понимать как «сын» и связывать, по-видимому, с древнеир. *zāta*ka- или *ā-zāta*ka-, ср. согд. *z'tk* «сын», ягн. *žūta*, в арабо-хорезмийской письменности *zādik* (*z'dk*). Написание *'ztyk*, с -y, должно, видимо, объясняться заключительной позицией этого слова в надписи — «паузальная» форма, хорошо известная по работам В. Б. Хеннинга для арабо-хорезмийских текстов. Если принять такое объяснение, то *'ztyk* = *āzādīk* (или *°zādīk*?), и, следовательно, уже для VIII в. можно не только говорить о завершении перехода древнеир. -a- > -i-, но и о возможном (по крайней мере эпизодически) отражении особенностей звучания «паузальных» форм на письме. Неясным при таком объяснении остается развитие (*ā*)*zāta*ka- в (*ā*)*zādīk* — ср. *z'dk* = *zādik*, *z'dyk* = *zādīk* в хорезмийском XI—XIV вв.

№ 25 (см. рис. 2).

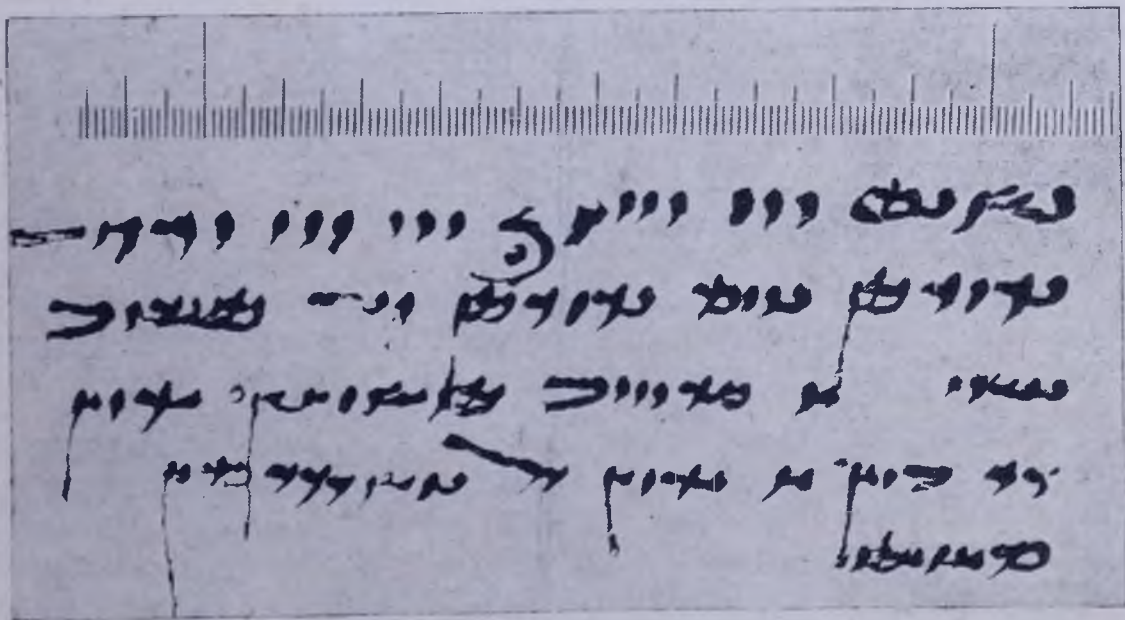

Рис. 2. Надпись № 25

³⁵ См. А. А. Фрейман, Хорезмийский язык, I, М.—Л., 1951, стр. 42—50; W. B. Henning, *The Khwarezmian Language*, стр. 425—427.

³⁶ А. А. Фрейман, Указ. раб., стр. 47—50.

Пять строк, отличная сохранность. Почерк столь же четкий и ровный, как в № 52, но писец другой. Надпись включает формулу благопожелания.

- (1) BŠNT III III (I) C III III YRH'
- (2) brwrtn BYWM brwrtn ZN(H) tnbryk
- (3) nwšy 'y srywyk tyšy'n'ny 'rw'n
- (4) GD kw'n(y) 'y 'rw'n 'L nwš grdm'n
- (5) pr'ny'ty

«1Год 706. Месяц₂ gawacina, день gawacina. Этот оссуарий₃..... srywyk-a [сына] tyšy'n-a, душа [которого]₄₋₅ [обладает] кавайским фарном. Пусть душа [его] будет препровождена в прекрасный рай».

Комментарий. Знак сотни, варьирующий в токкалинских надписях довольно значительно (ср. начертания этого знака в документах на коже из Топрак-калы, а также в надписях на торевтике), в данной надписи выписан с точкой внутри центральной части знака. Последний знак единицы перед C смазан, однако сопоставление с датами других надписей на оссуариях (см. ниже) показывает, что чтение III III C III III в № 25 вряд ли возможно.—nwšy? Палеографически более оправданным было бы чтение BNŠY или NBSY — знак -w- в надписях Ток-калы, как правило, не соединяется с последующим знаком. Это слово встречается в сходной позиции и в других надписях на оссуариях; чтение и значение его подлежат уточнению. Вряд ли это идеограмма NYŠY, ср. NYŠH=зап «женщина» в среднеперсидской письменности,—такому толкованию противоречат, как кажется, помимо графических соображений (-y- тоже не соединяется налево), и положение слова в надписи (перед артиклем, вводящим следующую синтагму), и сама форма последующего артикля —'y, муж. рода. Чтение NYŠY могло бы быть оправдано только в том случае, если считать, что оно является определением к tnbryk: ZNH tnbryk NYŠY «этот оссуарий женщины (или «женский»)». Ключ к истолкованию nwšy может, возможно, дать сравнение с надписью № 69, где это слово, в том же написании, что и в № 25 (-w- соединяется налево), выступает в позиции, сходной с nwš в № 25, стк. 4: kw nwšy «[душа его пусть будет препровождена] в прекрасный [рай]»; здесь kw nwšy употреблено как сокращение полной формулы 'L/kw nwš grdm'n pr'ny'ty. В таком случае nwšy в стк. 3 надписи № 25 также должно пониматься как «хороший», «прекрасный», или, если вспомнить происхождение хорезм. nwš, засвидетельствованного в той же форме в мусульманских памятниках³⁷, из древнеир. апауša-, авест. апаоša- — «нетленный», «бессмертный» (ср. аналогичное развитие значений перс. apōše, согд. nwš-, nwš'k, nwšy)³⁸,—ZNH tnbryk nwšy «это вечно существующее вместилище тела»?—tyšy'n'ny — родит. пад. от tyšy'n, имени отца, флексия —'ny, ср. -'n в надписи № 52. —'rw'n GD kw'ny «душа (которого обладает) кавийским фарном». Это сочетание входит в синтагму, начинающуюся артиклем 'y и включающую имена покойного и его отца (ср. положение 'y tnb'r «тело» в

³⁷ Хорезм. nwš в этих памятниках — прилагательное и наречие, например: nwš mkkp kf'n'cyd m'sn — «я хорошо сделал, что у тебя вот их взял», см. М. Н. Боголюбов, Личные местоимения в хорезмийском языке, «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческих наук, вып. 16(1962), стр. 10.

³⁸ О перс. apōše, nōš, среднеперс. apōš(ak) см. Н. Н ü b s c h m a n n, Persische Studien, Strassburg, 1895, стр. 19. Для согд. nwš- ср. «старые письма», II, стк. 4—5; мургский документ В-16, стк. 5, см. В. А. Лившиц, Согдийские документы с горы Мур, вып. II, М., 1962, стр. 128.

надписи № 52). — *tyšy'n* — имя собств., букв. «обладающий милостью Тиштрии», ср. согдийские имена с *tyš-*, *-y'n-*. GD — идеограмма для хорезм. *fan(n)* «фарн», ср. среднеперс. GDH = *x^v arrah*, араб. *gd*, соответствующее по значению греч. *τύχη* «счастье», «удача»³⁹.

Представление о «кавийском фарне» — символе богатырской (позже — царской) силы и удачи — связано с целым циклом эпических сказаний ираноязычных племен и народов. Оно составляет, в частности, основное содержание авестийского 19-го Яшта, согласно которому кавийский фарн (авест. *kaṵaēm x^v arənpō*), после многих злоключений, достался в конце концов самому Заратуштре⁴⁰. Среди дошедших до нас памятников среднеиранских языков наиболее полно это представление отражено в «пехлевийских» текстах — среднеперс. *kaṵān x^v arrah*, *x^v arrah ī kaṵān*⁴¹, ср. *farr ī kaṵānī* в «Шах-наме» Фирдоуси. О существовании цикла легенд о фарне кавиев в Согде можно судить хотя бы по именам собственным типа *Kawfarn*, *Kawifarnīč*, засвидетельствованным в согдийских текстах⁴². Памятники Ток-калы указывают на популярность этого цикла и на территории Хорезма. Из разобранных пока надписей на оссуариях сочетание *'gw'n GD kw'nu* представлено только в № 25; оно свидетельствует, возможно, о высоком общественном положении покойного, однако титула этого лица в надписи нет. — *grdm'n*, в хорезмийских текстах арабским письмом *ḡdm'n* — «рай», этимологически «дом песни», «дом молитвы», авест. (Гаты). *garō dāmāna-*⁴³, согд. *gwxšn'ḡdmn* — «светлый рай», среднеперс. *grwtm'pw*. Ср. распространенную формулу пожелания в еврейских эпитафиях: *mənuḥatah 'eden gan* — «(Да будет) его местом упокоения рай, сад». — *gr'ny'ty* — 3 л. ед. ч. конъюнктива от глагола *gr'ny-* «вводить», «препровождать», древнеир. *raḡa-ā-pau-* или *raḡā-pau-*, ср. авест. *raḡa-pau-*, согд. *gr'n'y-* = *raḡāpau-*.

№ 19 (см. рис. 3).

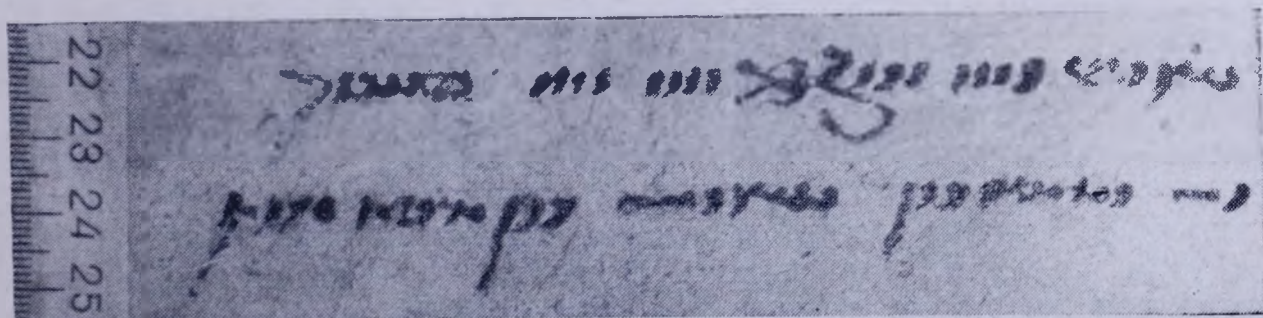

Рис. 3. Надпись № 19

Две строки; сохранность удовлетворительная. Почерк более небрежный, чем в № 52 и 25. Дата содержит только год. Имя отца покойного отсутствует.

³⁹ См. Н. W. Bailey, *Zoroastrian problems in the ninth-century books*, Oxford, 1943, стр. 39.

⁴⁰ Яшт XIX, 79 сл.

⁴¹ См. Н. W. Bailey, Указ. раб., стр. 30—35.

⁴² В. А. Лившиц, Согдийские документы с горы Муг, вып. II, стр. 187. См. также: W. B. Henning, *The book of the giants*, «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, University of London», XI, стр. 53, сл.; M. Boyce, *Some remarks on the transmission of the Kayanian heroic cycle*, «Septa Cantabrigiensia», Mainz, 1954, стр. 45—52.

⁴³ См. Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1904, стлб. 512—513; E. Herzfeld, *Altperische Inschriften*, Berlin, 1939, стр. 168—173.

- (1) BŠNT IIII III C XX X IIII IIII tnbryk
 (2) y' w'z'sw/ydyn nwšy' grn 'rt'w 'rw'n

«₁Год 738. Этот оссуарий ₂w'z'swdyn-a(?) [Пусть] в прекрасный рай [будет препровождена его] праведная душа».

Комментарий. Перевод этой надписи во многом зависит от толкования nwšy'. В соответствии со сказанным выше (см. комментарий к надписи № 25), можно видеть в nwšy' форму локатива (ср. согд. локатив на -y') от nwš — «хороший», «прекрасный», толкуя grn как аббревиатуру от grdm'n. Знак -w- в nwšy' (как и в nwšy в № 25, стк. 3) соединяется, вопреки обычным написаниям, налево. Артикля 'y при имени собственном нет; это можно объяснить тем, что в данной позиции нет и атрибутивного сочетания, вводимого именем с артиклем ('y....., сын.....).

Другой возможный перевод надписи связан с пониманием NYŠy' как формы родительного («поссессивного») падежа к NYŠ — «женщина». Тогда артикль y' следует относить не к tnbryk «оссуарий», а к NYŠy' и переводить надпись так: «Год 738. [Этот] оссуарий — женщины [по имени] w'z'swdyn. [Пусть в] рай [будет препровождена ее] праведная душа».

№ 8 (см. рис. 4)

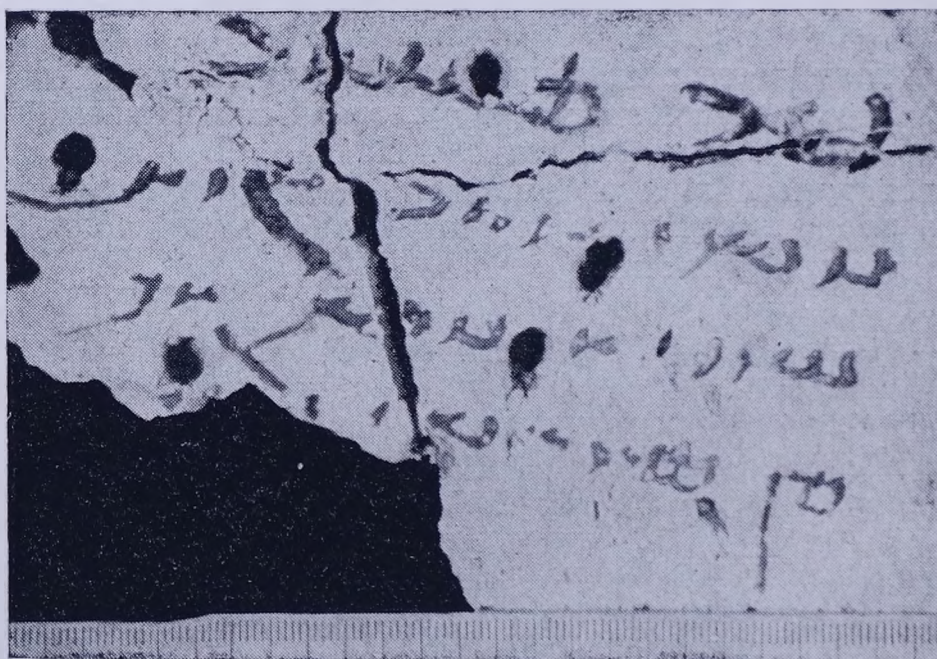

Рис. 4. Надпись № 8

Четыре строки. Почерк небрежный. Текст сохранился не полностью — отломана по крайней мере часть последней строки. Даты нет. Формула благопожелания, отличная от № 25 и 19.

- (1) ZNH tn[b](r)yk
 (2) '(?)ynšy(šh?)k '.w'n(y)
 (3) ...y nykšy(?) 'YK
 (4) MN ty'z(hw)n(d)y ('L...) [

«₁Этот оссуарий ₂₋₃ женщины (?) šhk, [дочери] '. w-a..... Пусть, [душа ее отправится] из полного опасностей [мира] в (мир безопасный?)».

Комментарий: Стк. 2 и 3 надписи, помимо имен собственных, содержат ряд слов, не поддающихся пока истолкованию. В стк. 2 — $unš$ — «женщина», ср. согд. $'unč$, $unč$, тогда $'unš = NYSY$ в ряде других надписей? Чтение $'unšu$ весьма, впрочем, сомнительно — первый знак, сочтенный нами за алеф (знак смазан?), может быть истолкован и как n , b . Первое слово в стк. 3 также допускает ряд чтений, ни одно из них не удалось пока осмыслить. В стк. 3—4 — начало пожелательной формулы. — $'YK$ — идеограмматическое выражение союза, ср. $'YK = kw$ «что, чтобы, когда, где» в среднеперсидском, $'YK = č'n(')kw$, $č'nw$ «когда, как» в согдийском. — $ty'z(hw)n(d)y$. Последняя часть слова сохранилась плохо, однако чтение первых четырех знаков представляется достаточно надежным. С. Н. Соколов предложил толковать это слово как связанное с авест. $iθuejahwant-$, «полный опасностей», «гибельный», прилагательное от $iθuajah-$, $iθuejah-$ «опасность», скр. $tyájas-$, среднеперс. $sež$, противопоставляемое $aiθuejahvant-$ «безопасный», среднеперс. $asēžōmand$. В Авесте $iθuajah-$, $iθuejahvant-$ обычно выступает в сочетании с $maršavan-$ ⁴⁴ — дэвом забвения, мира забвения > смерти. При таком толковании хорезм. $ty'zhwnd-$ (с $t-$ для передачи $θ-$; $-nd$ — приближение к фонетическому написанию) может рассматриваться как прямое продолжение авест. $iθuejahvant-$ (нормализованная транскрипция $*θuajahvant-$) не только по форме, но и по значению, в том числе и в религиозных формулах. Несохранившаяся часть пожелания в надписи № 8 включала, по-видимому, и хорезмийское соответствие авест. $aiθuejahvant-$ «безопасный». Значительное сходство хорезмийской лексики со словарем дошедших до нас частей Авесты было уже отмечено Б. Б. Хеннингом, указавшим на ряд словарных совпадений хорезмийского языка XIII в. с авестийским⁴⁵. Надписи Ток-калы дают новый материал для дальнейших исследований в этой области, чрезвычайно важной для проблемы истории зороастризма и диалектологической характеристики языка Авесты.

№ 69 (см. рис. 5)

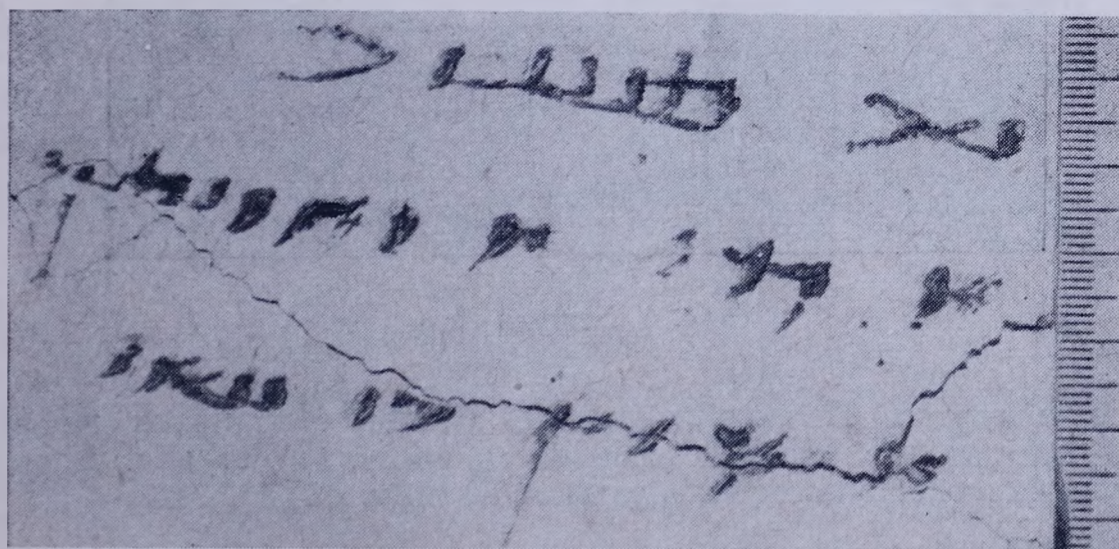

Рис. 5. Надпись № 69

Три строки, четкий почерк; текст сохранился полностью. Даты нет. Сокращенный вариант формулы благопожелания, ср. № 25, 19.

⁴⁴ Chr. Bartholomae, Указ. раб., стлб. 799, 1153.

⁴⁵ W. B. Henning, Zoroaster: politician or witch-doctor? London, 1951, стр. 44—45.

- (1) ZNH tnbryk
- (2) 'y gry 'y whwntk
- (3) 'y 'rw'n kw nwšy

«₁Этот оссуарий₂ [содержит] тело whwntk-а₃. Душа [его пусть будет препровождена] в прекрасный [рай]».

Комментарий: gry — «тело» (стр. tnb'r в надписи № 52, стк. 3), менее вероятно толковать здесь gry как имя собственное. Ср. авест. grī-vā- «загривок», санскрит. grivā-, среднеперс. grivak, ср. новоперс. gīrē-bān «воротник», афг. grawa, grēwa — «ключица»⁴⁶. В согдийском (')γг(')uw-, идеограмма CWRH, выступает в значениях «тело», «существо», «лицо», «сам», сходное употребление косвенно засвидетельствовано и для парфянского и среднеперсидского⁴⁷. В нашей надписи форма gry предполагает утрату конечного -w; возможно, однако, и чтение grw (знаки -w и -y в хорезмийском письме могут совпадать по начертаниям); для *γgiw ср. парф. *račāγgiw в написании ršgrb' в надписи из Хатры⁴⁸ — Для nwšy ср. nwšy' в № 19, см. выше, стр. 79.

№ 39 (см. рис. 6)

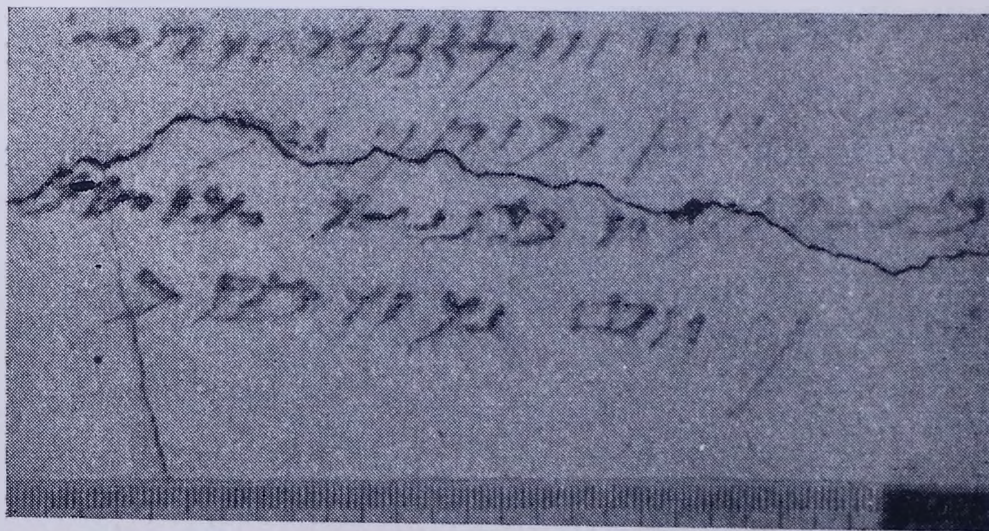

Рис. 6. Надпись № 39

Четыре строки, текст сохранился полностью, но начальные части строк выцвели. Почерк четкий. Документ содержит дату; формулы благопожелания нет.

- (1) (BŠNT) III III C XX XX XX XX X YRH'
- (2) m(try?) (BYW)M whwmn ZNH
- (3) tn(br)yk 'y tnb'r 'rw'zd
- (4) w...n(y) zyt brwrtyk

«₁Год 690, месяц₂ miri, день ahumen. Этот₃ оссуарий [содержит] тело 'rw'zd₄ w...n-а, сына hrawardik-а».

Комментарий. О названиях месяца и дня см. выше, стр. 71—72 — 'rw'zd — часть имени или титул? — zyt — «сын», ср. 'ztyk в № 52, стк. 4, 'zt в документах на дереве из Топрак-калы. — brwrtyk, имя собств. = hra-

⁴⁶ См. Н. Hübschmann, Указ. раб., стр. 93.

⁴⁷ W. B. Henning, Mitteliranisch, стр. 62, примеч. 2.

⁴⁸ Там же.

wardik или hrewerdik, ср. хорезм. hrwrd'c «праведное дело», «добродетель», hrwrd'c k'ryk «добродетельный» («Muqaddimat al-adab», 7, 6; 7, 8), древнеир. frawart-.

№ 12 (см. рис. 7).

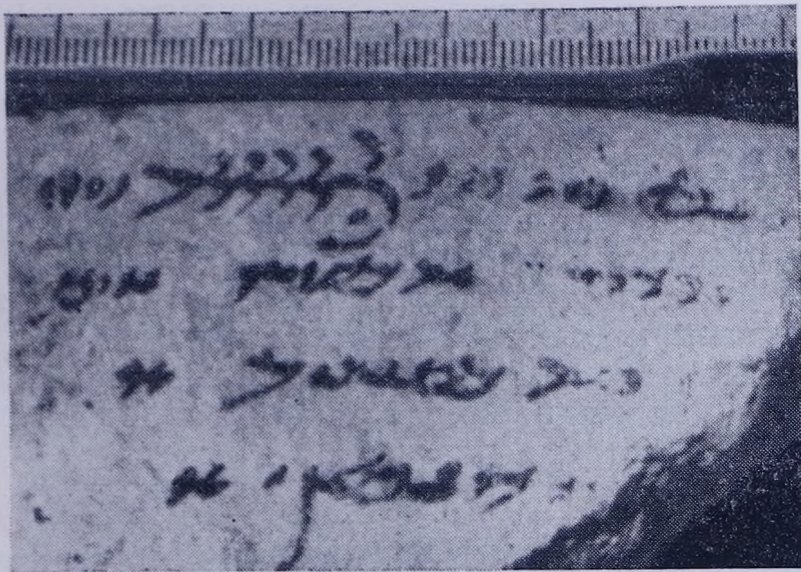

Рис. 7. Надпись № 12

Фрагмент надписи; сохранились 1-я строка почти целиком, вся 2-я строка и части строк 3—5. Надпись содержала полную формулу датировки, название дня в стк. 3 уничтожено.

- (1) BSJNT III III C XX XX XX XX X III
- (2) YRH' 'rtwyš BYWM
- (3) J. ZNH tnbryk 'y
- (4) J..s/hnt'ny 'y
- (5) J. y'

(отлом)

«₁ Год 694, ₂ месяц ardwiš, день ₃ [ ]. Этот оссуарий....., ₄[сына]... s/hnt-a.....»

№ 26 (см. рис. 8).

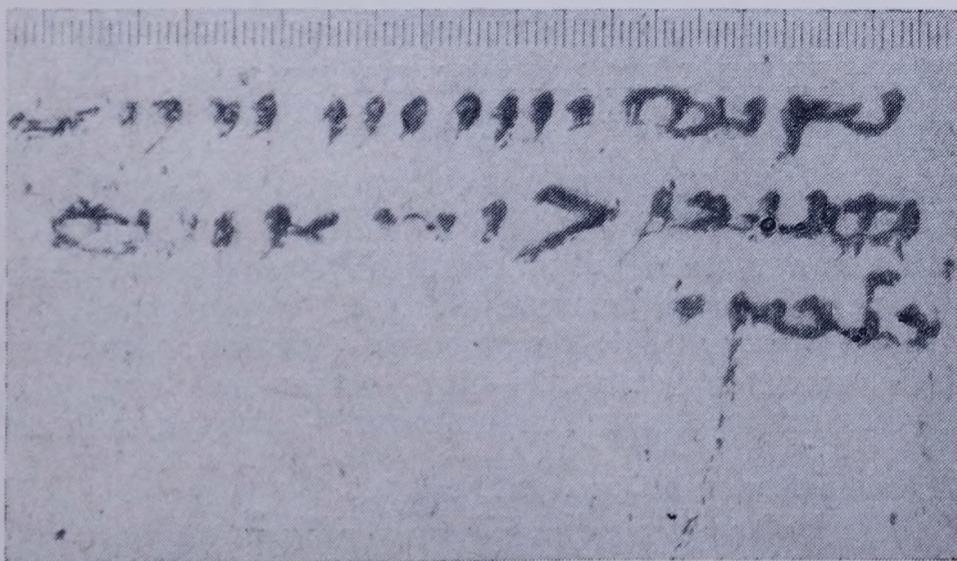

Рис. 8. Надпись № 26

Три строки. Надпись сохранилась, видимо, целиком. Дата содержит только год, причем знак сотни опущен (ср. опущение С в датах некоторых хорезмийских надписей на торевтике). Не было и названия месяца, а также BYWM...

(1) BŠNT III IIII YRH'

(2) tnbryk y' 'zwrt

(3) d/r'r/d'ny.

«₁Год 7[00]. Месяц. ₂ Этот оссуарий — 'zwrt-a, ₃[сына] d/r'd-a».

№ 21 (см. рис. 9)

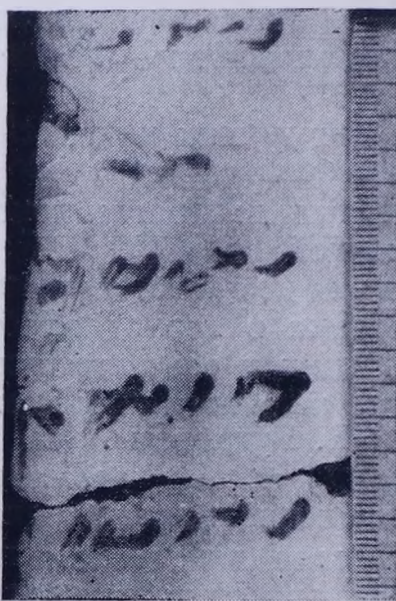

Рис. 9. Надпись № 21

Фрагмент надписи. Сохранились начальные части пяти строк.

(1) BŠN(T) [

(2) YR(H') [

(3) whwmn' [ZNH tnbryk ⁴⁹y

(4) h w'r'n [

(5) wḥnwy(?) [

III

В сохранившихся датах токкалинских надписей представлены следующие годы: 658 (№ 58), 672 (? № 75), 678 (№ 52), 690 (№ 39), 693 (+? № 54), 694 (№ 12), 696 (№ 4), 700 (№ 7, 26 — знак сотни в обоих случаях опущен), 706 (№ 25), 707 (№ 57), 710 (№ 53), 716 (или 718, № 56, чтение знаков сомнительно), 723 (№ 22), 738 (№ 19), 753 (№ 38).

Таким образом, датированные надписи Ток-калы охватывают вторую половину VII века и первую половину VIII века неизвестной эры.

Встает вопрос о начальной дате летоисчисления — тот же вопрос, который возникал при анализе датированных документов с Топрак-калы.

Господствующей в Хорезме в эпоху, к которой относятся наши надписи, была, по утверждению Бируни, эра Африга, начинающаяся с:

⁴⁹ Или [tnbryk y'.

304/305 года н. э. Однако эта эра должна быть сразу устранена из наших расчетов, ибо если принять ее, наши оссуарии должны быть отнесены к X и даже XI веку н. э. Между тем, датировка этих оссуариев VIII веком является совершенно бесспорной, а к X—XI вв. на Ток-кале относится совсем другой тип погребений, так называемые «погребения в цистах»⁵⁰.

С археологической датировкой увязывалось бы предположение, что здесь мы имеем дело с христианской эрой — в Хорезме, правда, в несколько более поздний период, во время Бируни, были довольно значительные христианские колонии⁵¹.

Однако никаких сведений о христианах в районе Ток-калы мы не имеем, да и совершенно невероятно употребление христианского летоисчисления на зороастрийских памятниках. Между тем, сейчас мы знаем, что в Хорезме в III—IV вв. господствовала другая эра — «эра Канишки», или «эра Шака», индийское летоисчисление, начинающееся с 78 г. н. э.⁵².

Если принять эту эру для наших надписей, они будут датироваться между 736 и 831 гг., что соответствует всей совокупности твердо установленных археологических датировок как оссуариев, так и всего синхронного комплекса вещей.

Открытие датированных документов позволяет внести серьезные уточнения в историю Хорезма в период арабского нашествия. Напомним, что оссуарный могильник и соответствующий слой памятника носят следы военного разгрома с последующим временным запустением (см. указанную статью А. В. Гудковой). Из исторических источников нам пока известны походы арабов на северный Хорезм в 712 и 728 гг. н. э.; наличие несомненно более поздних дат на наших оссуариях свидетельствует о более длительном процессе борьбы Хорезма (включая Кердер) против арабских завоевателей. Напомним в этой связи попытку хорезмшаха Шавшафана в 751 г. опереться на военную помощь соседних государств в своей борьбе с арабами.

Как же объяснить, что в столь близкое к эпохе Бируни время в наших надписях употребляется старинная, введенная в Хорезме, видимо, еще в I в. н. э., «эра Шака», а не «эра Африга», о которой весьма определенно говорит Бируни?

У нас есть основания предполагать, что «эра Африга» могла быть только государственной эрой, тогда как в повседневном быту и особенно в религиозных обрядах, в частности в погребальных, употреблялась традиционная «эра Шака», которая, как известно, наряду с христианской, является и сейчас официальной эрой Республики Индии, на протяжении почти двух тысячелетий сосуществуя с различными индийскими эрами.

Не исключено также, что «эра Африга» и «эра Шака» были в употреблении в разных областях Хорезма. Следует, однако, иметь в виду, что все известные пока хорезмийские надписи (Топрак-кала, Ток-кала, серебряные чаши) датированы по одной и той же эре, причем это летоисчисление было принято в Хорезме по крайней мере до начала четвертого десятилетия IX в. — наиболее поздняя из известных пока надписей

⁵⁰ См. А. В. Гудкова, Некрополь городища Ток-кала, стр. 57.

⁵¹ См. С. П. Толстов, Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан начала XI в., «Сов. этнография», 1946, № 2, стр. 87—108.

⁵² С. П. Толстов, Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема «эры Шака» и «эры Канишки», «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 54—71; его же, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 225.

Ток-калы относится к 753=831 г. н. э. Окончательно решат эту проблему дальнейшие исследования, в частности продолжение раскопок могильника Ток-калы, которые бесспорно обещают немало новых ценных открытий.

SUMMARY

In the course of excavations on the town-site of Tok-Kala, a party of the expedition of the Kara-Kalpak Branch of the Uzbek Academy of Sciences (the party was led by A. V. Gudkova), discovered ossuaries of alabaster inscribed in Khwarizmian writing. Altogether, fifty inscriptions and fragments of inscriptions have been found; their specimens are published in the present article. A collation of the Tok-Kala inscriptions with the documents from Toprak-Kala enables us to form a full idea of Khwarizmian writing throughout at least 400 or 500 years. The deciphering of the Tok-Kala texts has also made it possible to elucidate the systems of ideograms in Khwarizmian writing, as compared with other Iranian writing systems of Aramaic origin.

From the point of view of their structure, the inscriptions from Tok-Kala fall into several groups; some are dated (with the year, month and day given) and contain expressions of good wishes. The inscriptions provide valuable material for the reconstruction of the Khwarizmian calendar — for establishing the names of months and days, heretofore known only from the works of Al Biruni; they also contain information which makes it possible to trace some of the basic trends in the development of the Khwarizmian language, its phonetic and grammatical structure, from antiquity to the 13th—14th centuries (the latter period, as is known, is reflected in Arabic-Khwarizmian written records). Of special interest is the fact that the Tok-Kala inscriptions contain religious terms which plainly indicate both the Zoroastrian character of the burials and close lexical ties between the Khwarizmian language and that of the Avesta.

The inscriptions are dated in the 7th—8th centuries of an unknown period — probably the Shaka (Kanishka) era, to which some of the documents from Toprak-Kala also belong.
